

Еще два доклада по тематике занимают изолированное положение – это обзор положения женщины в России в XVIII в. (Т.И. Брянская) и анализ правовых аспектов мифологии славян, индоариев и индоевропейцев в целом (В.В. Кулыгин).

К сожалению, нельзя не сказать и о недостатках сборника. Странное впечатление производит публикация трех текстов на английском языке, два из которых по сути являются тезисами докладов. Вообще сочетание развернутых аналитических или детальных описательных статей и кратких тезисов либо статей объемом в три-четыре страницы не украшает этот сборник. Не помешало бы и структурирование материалов сборника с выделением в нем нескольких тематических разделов. Поэтому хочется пожелать руководству ДВГУ не только продолжать впредь Широкогоровские чтения, но и публиковать их материалы в виде сборников полноценных, прошедших качественную редакторскую подготовку статей, соответствующих четким тематическим рамкам. Научное значение и уровень большинства публикаций в рецензируемом сборнике несомненно подтверждают перспективность данного начинания.

ЭО, 2009 г, № 4

© **Ю.П. Шабаев, Н.В. Шилов.** Рец. на: *Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра* / Отв. ред. А.К. Конюхов. Сыктывкар, 2008. 272 с.

В последние годы сочинения этнографического и этнополитического плана создаются не только учеными – этнологами и этнополитологами, но и специалистами других отраслей знаний, порой весьма далеких от этнологии, и многочисленными этническими предпринимателями (Коренько 2000; Тишков 2003). По существу мы сегодня можем говорить о феномене альтернативной этнологии/этнополитологии.

Другим феноменом является "ангажированная этнология", когда в угоду неким политическим и этнополитическим позициям авторов приносится в жертву научная объективность и методическая корректность. Пример подобного рода работ – труд, созданный под руководством члена Консультативного комитета финно-угорских народов А.К. Конюхова. Помимо него в составе авторского коллектива целый ряд других исследователей, активно сотрудничающих с этнокультурными и этнополитическими организациями. Речь идет о монографии "Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра", которая является не только плодом коллективных усилий, но и итогом реализации финляндско-российского исследовательского проекта "О положении финно-угорских народов Российской Федерации". В начале работы ее авторы заявляют, что "практическая значимость результатов всего исследования заключается в выработке конкретных рекомендаций государственным структурам и общественным организациям для принятия мер по улучшению демографического, социально-экономического и культурно-языкового состояния уральских народов" (с. 16). Столь значительные претензии авторов порождают и соответствующие требования к изданию со стороны научного сообщества и политических менеджеров. Кроме того, подобные претензии авторов заставляют сделать основательный анализ того, насколько объективны и достоверны результаты названного исследования. В первую очередь необходимо оценить, в какой мере и как обобщен опыт предшествующих трудов российских финно-угроведов, каковы методологические подходы, положенные в основу столь масштабной работы, каков арсенал методов исследователей и насколько адекватно использованные методы позволяют оценить все многообразие процессов, которые стали предметом анализа авторского коллектива.

Юрий Петрович Шабаев – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Николай Владимирович Шилов – кандидат исторических наук, ведущий советник аппарата Комитета по делам национальностей ГД ФС.

Методологические подходы авторов к анализу того, что они назвали "этнографическим состоянием народов", неясны, ибо в столь масштабном и значимом труде авторы не сочли возможным указать, придерживаются ли они конструктивистского, инструменталистского, эссенциалистского подходов или же используют некий иной научный арсенал. Неясна сама интерпретация дискурса "положение народов", подходы к его анализу. Ни во введении, ни в заключении, ни в главах нет сколько-нибудь серьезного теоретического анализа проблематики этничности и национализма.

Конечно, теоретические позиции авторского коллектива, которых они придерживались при осуществлении названного проекта, могли бы быть изложены в основательном историографическом обзоре, что вполне соответствует научной традиции. Но и этого обзора в книге практически нет.

Первое, что удивляет при чтении введения, это абсолютное игнорирование мониторинговых исследований, осуществляемых на протяжении ряда лет Институтом этнологии и антропологии РАН (в том числе и в "финно-угорских регионах"). Неясно также, почему авторы не использовали в своем анализе работу, выполненную этнологами и этнополитологами ряда республик с финно-угорским населением, которая прямо перекликается с поставленной перед авторами рецензируемой монографии целью. Речь идет о специальном докладе "Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения" (Финно-угорские 2005). Более того, авторы взяли на себя смелость утверждать, что до сих пор нет исследований, посвященных "современному состоянию" финно-угорских народов, хотя перечень публикаций такого плана весьма обширен. Незнание, равно как и игнорирование подобных работ, свидетельствуют и об уровне научной объективности, и о научной квалификации организаторов проекта и авторов его презентации.

Впрочем, содержание введения показывает, что отрицание значения работ предшественников есть принципиальная позиция создателей труда, и это становится ясным уже из предложенного ими весьма краткого историографического обзора. Во введении наличествуют довольно пространственные, но отнюдь не бесспорные, а нередко и просто ошибочные суждения о характере проведения переписей населения и интерпретации переписных данных (к примеру, применительно к последней переписи 2002 г. авторы утверждают о наличии значительных приписок в Москве, хотя следует, видимо, говорить о недоучете населения). Но по существу во введении нет серьезного историографического анализа, ибо здесь упоминается лишь о том, что предшественники не могли быть объективны в силу того, что исследователи вынуждены были считаться с идеологическими догмами правящего режима. Показательно, что есть только несколько ссылок на отечественные труды, характеризующие этнические традиции российских финно-угров, и нет даже беглой оценки той роли, которую объективно играют работы отечественных исследователей, но при этом отмечается, что в изучение финно-угров "большой вклад внесли зарубежные ученые С. Лаллукка в Финляндии, Д. Нановски в Венгрии и другие" (с. 6). Далее авторы (а во введении, надо полагать, изложена обобщенная позиция авторского коллектива) утверждают, что статистический учет в советские годы имел массу недостатков и использовал различные способы фальсификации. В подтверждение данного довода указывается, что "факты, отражающие негативные последствия деятельности властей, не доводились до сведения общественности; практиковалась замена абсолютных статистических данных относительными" (с. 6). Очевидно, что статистика имеет дело не с отдельными фактами, а с множественными данными (причем именно данными). Не идеализируя советскую статистику, необходимо ради объективности указать, что претензии авторов не только необоснованны, но и ненаучны, ибо что мешает не только квалифицированному специалисту, но и грамотному школьнику превратить относительные данные в абсолютные.

Однако названные претензии не столь существенны, поскольку куда больше вопросов вызывают сами методы исследования. В частности, уместно задаться вопросом, чем принципиально отличаются проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, использованные авторским коллективом? Но терминологическая казуистика – не главный недостаток рецензируемого сочинения, поскольку базовой основой работы стал опрос, проведенный, как заявлено

во введении, в 13 субъектах РФ. Авторы не дают в приложении ни программы исследования, ни обоснования выборки, ни анкеты, а само описание процедуры исследования весьма краткое. Тем не менее даже это краткое описание дает все основания усомниться не только в корректности проведенного опроса, но и в самой возможности использования полученных данных.

Первое, что ставит под сомнение методическую корректность исследования, – это то, что оно не осуществлялось на основе единого методического подхода, т.е. данные, полученные в разных регионах, не могут быть сопоставлены. Отмечается, что в одной группе регионов использовалась маршрутная выборка, а «в остальных регионах применялся метод "снежного кома"» (с. 14). Следовательно, данные по этим двум регионам должны были анализироваться отдельно. Более того, авторы однозначно заявляют, что в основе их труда лежат количественные методы. Что же касается метода "снежного кома", то он применяется не в количественных, а в качественных социологических исследованиях. Для примера сошлемся на одно из добротных описаний сущности названного качественного метода: "после проведения первых интервью или начальной стадии включенного наблюдения начинается написание и наброска отчета. При этом особое внимание уделяется выделению, определению и раскрытию основных категорий и субкатегорий, их свойств. Выявившиеся в ходе написания этого наброска нераскрытые вопросы вносятся в модернизированный гид интервью. И работа продолжается по тому же кругу, приобретаемая форма спирали" (*Ильин* 2006: 61). Очевидно, что авторы труда весьма вольно интерпретировали сущность названного метода и, судя по всему, в одних случаях они стремились соблюсти принцип случайной выборки (*Джери, Джери* 1999: 102), а в других формировали выборочную совокупность целенаправленно (методом "снежного кома"), т.е. мы имеем не случайно отображенных респондентов, а некие группы единомышленников.

При этом полезно еще раз указать, что "статистическое обобщение количественного исследования основано на статистической репрезентации генеральной совокупности" (*Семенова* 1998: 35) и отбор респондентов должен производиться "из однородных совокупностей" (*Добреньков, Кравченко* 2008: 143). В случае с рецензируемым трудом мы можем говорить о нерепрезентативном характере его базовой основы. Здесь речь идет не только о несовместимости отдельных частей единой базы данных, но именно о недостаточной репрезентативности самих данных. Так, объемы выборочной совокупности в Тверской обл. составили 100 человек, в бывшем Коми-Пермяцком округе – 161, в Ямало-Ненецком округе – 106, в Ленинградской обл. – 136. При этом приведенные данные есть общая численность опрошенных, без разбивки респондентов на этнические группы. Что касается этнического состава опрошенных, то, к примеру, в выборке по Ленинградской обл. присутствовали 31 вепс и 37 финнов (с. 15). Если разделить эти группы по полу или по месту жительства (городской / сельский житель), или по возрасту, то мы не получим даже минимально представительных статистических групп, т.е. отсутствует сама основа количественного социологического метода – репрезентативность, хотя авторы называют свою выборку "репрезентативной" (с. 15). Анализ межпоколенных изменений в системе ценностей, социальной детерминированности этнокультурных ориентаций и других важных культурных явлений на подобных массивах невозможен.

Наконец, есть сомнения и в качестве проведения полевого этапа исследований. Специалисты знают, что в любом социологическом исследовании полевой этап – самый трудоемкий, а тщательный контроль за его осуществлением – необходимое условие получения достоверных данных. Судя по составу участников проекта, никто из них не занимается серьезными полевыми этносоциологическими исследованиями. Кто и как осуществлял проведение полевого этапа в каждом из 13 субъектов и как осуществлялась проверка качества полевой работы, неясно. Но нам известно, как осуществлялись исследования в двух регионах: Республике Коми и Коми округе. В Коми использовалась местная социологическая сеть, которая функционирует много лет и в которой не организован надзор за качеством полевой работы групп интервьюеров, сформированных в городах и районах. В результате данные многих опросов вызывают серьезные сомнения.

Под руководством редактора названной коллективной монографии в 2003 г. в Коми проводился опрос, призванный оценить этнолингвистическую ситуацию в республике, проведение ко-

того было поручено местной социологической сети. Организаторы не сочли необходимым не только контролировать опрос, но даже критически оценить его итоги. В результате, согласно полученным данным, в РК 14% некоми населения владеют коми языком (Конохов 2004). Если сравнить этот результат с материалами переписи 2002 г., то мы увидим, что по переписи аналогичный показатель равен всего 2%. Ошибка в 700% свидетельствует о крайне некачественно проведенном опросе и о недостоверности всех его результатов. Несмотря на то, что авторам было указано на недопустимость публикации подобных данных, они их широко используют, и в данной коллективной монографии материалы указанного опроса 2003 г. также присутствуют. Опыт собственных исследовательских работ показал, что в Коми округе возможно получение качественных материалов опросов только при личном контроле всех этапов исследовательской работы, ибо уровень квалификации местных исследователей недостаточен, и они не понимают сущности социологических и специфики этносоциологических исследований, которую в данном случае необходимо было учитывать (Арутюнян и др. 1984). Не случайно, что сноска на работы методического плана в рецензируемой монографии нет (если не считать сноски на учебник социологии, социологическую энциклопедию и социологический словарь).

Таким образом, нет никаких оснований доверять основному массиву данных, на который опираются авторы труда "Финно-угорские народы России". Конечно, некоторые разделы написаны относительно неплохо (особенно глава о демографических процессах), хотя во всех главах имеются серьезные внутренние противоречия. Более того, непонятна исходная установка авторов на "уникальность" уральской языковой семьи. Принципы выделения языковых семей едины, а принадлежащие к этим семья народы существенно отличаются в культурном плане друг от друга, и это обычное явление. К примеру, тюрки, как и финно-угры, расселены очень широко, народы, принадлежащие к этой семье, также значительно различаются и по уровню социально-экономического развития, и по конфессиональной принадлежности.

Неясны базовые понятия, использованные в ряде глав. К примеру, что означает термин "этнические права" и как он соотносится с правом вообще, что такое "феномен мировидения", "архетип самосознания", "традиционное сознание", нет объяснений и того, какой содержательный смысл имеет такая расовая категория, как "финно-угорский генофонд"? Возникает также вопрос, почему авторы избегают общепринятой в науке терминологии.

В главах, где требуется серьезное обоснование позиций авторов, четкое определение критериев оценки объекта и предмета анализа, никаких ясных критериев не обнаруживается. Так, неясно, как можно оценивать социально-экономическое положение населения отдельных регионов на основании одних лишь субъективных оценок, ибо социологам известно, к примеру, что уровень материальных притязаний растет быстрее, чем повышаются реальные доходы. Поэтому отсутствие в соответствующей главе данных, характеризующих динамику душевого дохода, стоимость потребительской корзины, характер материального потребления и других объективных показателей экономического и социального положения населения, – это не просто упущение, но грубая методическая ошибка. Часть названных данных, правда, приведена в прилагаемых к основному изложению таблицах, но они никак не используются в соответствующей главе, что ставит под сомнение способность авторов осуществить многомерный анализ социально-экономического положения населения тех или иных регионов.

Удивляет также неграмотное оформление таблиц. В одном ряду граф указываются регионы и этнические группы, например: Ямало-Ненецкий округ, Республика Коми, Самарская обл., вепсы, мари, финны, Республика Мордовия, т.е. по одним регионам даются варианты ответов на поставленные вопросы в целом по всему населению, а по другим регионам вычленяются только отдельные этнические группы, т.е. сведения воедино несопоставимые данные. И это не единственная претензия к построению таблиц.

Очень слабо написана глава, посвященная анализу "национальной идентичности" (в том числе "истинной национальной идентичности"), которая, как отмечает ее автор, "не тождественна этническому самосознанию" (с. 108), хотя далее делаются попытки рассуждать именно об этническом самосознании. Здесь есть несколько упоминаний зарубежных авторов, но почему-то в сносках по главе работы данные авторы не указаны. Что же касается огромного массива отече-

ственной литературы, посвященной названной проблеме, то ее для автора, похоже, не существует.

Небрежность стиля, терминологии, формулировок – общий недостаток всех глав, хотя они написаны с участием разных авторов. Неясным остается и то, что авторы в итоге хотят предложить, ибо, несмотря на объявленную в самом начале книги "практическую значимость" труда, конструктивно-прикладных предложений в труде не содержится. Рецензируемая книга – классический пример подмены научной объективности объективистским анализом (точнее, псевдонаучным), что объясняется ангажированным характером самого исследовательского проекта. Этот "труд" нагляднее других демонстрирует специфические особенности "ангажированной этнологии", о которой говорилось выше.

Литература

- Арутюнян и др. 1984 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Джери, Джери 1999 – Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (COLLINS). М., 1999.
- Добреньков, Кравченко 2008 – Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М., 2008.
- Ильин 2006 – Ильин В.А. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.
- Конохов 2004 – Конохов А.К. Современная этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (по результатам социологических исследований) // История, современное состояние и перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Матер. III Всерос. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2004. С. 560–562.
- Кореняко 2000 – Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000.
- Семенова 1998 – Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М., 1998.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Финно-угорские 2005 – Финно-угорские народы России. Общее положение, проблемы и решения / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 183. М., 2005.

ЭО, 2009 г., № 4

© С.Н. Абашин. Рец. на: **Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. В 3-х т.** Ред. А.П. Ярков. Т. 1: Источники и историография. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.; **А.В. Сызранов. Ислам в Астраханском крае: история и современность.** Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2007. 181 с.; **А.А. Ярлыкяпов. Ислам у степных ногайцев.** М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

Каждая из предложенных вниманию читателя книг заслуживает самостоятельной рецензии. Это бесспорно. Я, однако, чтобы не писать три отдельных комментария, решил написать один, учитывая те общие темы и идеи, которые во всех книгах присутствуют. Их объединяет, во-первых, обращение к изучению ислама. Во-вторых, тот факт, что речь идет о российских регионах, которые редко попадают в фокус исламоведческих исследований. В-третьих, написаны работы этнографами (к слову, уроженцами соответствующих регионов) или, как в случае с книгой "Ислам на краю света", с участием этнографов, об этом я тоже хочу сказать несколько слов.

Сергей Николаевич Абашин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.